

-
12. Kommentar zu Paul Celans «Die Niemandsrose» / hrsg. von Lehmann J. Heidelberg: Universitätsverlag Heidelberg, 1997. 430 S.
13. Neumann P. H. Zur Lyrik Paul Celans. Eine Einführung. 2., erw. Aufl. Göttingen: Vandenhoeck u. Ruprecht, 1990. 116 S.
14. Szondi P. Celan-Studien. F. a. M.: Suhrkam Verlag, 1980. 153 S.

УДК 82-1/-9

Сидеиф-заде Севиндж Али кызы

ФЭНТЕЗИЙНЫЙ МИР В «НЕЗАВЕРШЕННОЙ РУКОПИСИ» КАМАЛА АБДУЛЛЫ

В статье выявляются и исследуются элементы и способы построения фэнтезийного мира в романе «Незавершенная рукопись» видного азербайджанского писателя Камала Абдуллы. В основе писательского замысла лежит древний тюркский эпос «Деде Горгуд» и примечательная версия о жизни шаха Исмаила Хатаи. Научные и творческие интересы писателя глубоко связаны с этим эпосом. Автор романа переосмыслил традиционные мифы, перенося героев в современный мир. В статье говорится о мифе, как структуропологающей и этико-эстетической основе жанра «фэнтези». Обращение к эпическому наследию, переосмысление и развитие мифологических архетипов и мотивов является одной из актуальнейших тем современной литературы.

Ключевые слова: Камал Абдулла, фэнтези, «Незавершенная рукопись», «Китаби Деде Горгуд», Шах Исмаил Хатаи, мифология.

Sideif-Zada Sevinj

THE FANTASY WORLD IN THE «INCOMPLETE MANUSCRIPT» OF KAMAL ABDULLA

The elements and the methods of the construction of fantasy world being revealed and examined in the novel «Incomplete manuscript» of Kamal Abdulla, the prominent Azerbaijani writer. The ancient Turkic epos «Dede Gorgud» and notable version about life of shah of Ismayil Hatai form the basis of writer's message. The author's scientific and creative interests are closely associated with this epos. Having moved the heroes to the modern world, the author has reconsidered the traditional myth. The article discusses the myth as ethno-aesthetic and structural foundation of the genre. The epic heritage reference, the different interpretation and progress of mythological archetypes and reasons are one of topical theme of modern literature.

Keywords: Kamal Abdulla, fantasy, «Incomplete manuscript», «Dede Korkut», Shah Ismail Khatai, mythology.

В девяностые годы XX в. в сфере оценки азербайджанского классического наследия произошел ряд важных событий, одно из которых — торжественное празднование 1300-летия эпоса «Китаби Деде Горгуд». Вышли в свет научно-критический текст и популярные издания «Китаби Деде Горгуд», появились новые монографические

исследования об этом величественном Огуз-наме. Он, еще с начала XIX в. привлекал внимание зарубежных и русских ученых, которые ставили его в один ряд с народными сказаниями, снискавшими всемирную славу, такими как эпос «Слово о полку Игореве», эпос о Дигенисе, гомеровская «Одиссея», среднеазиатский «Алпамыш».

Героический эпос азербайджанского народа «Китаби деде Горгуд» («Книга моего деда Горгуда») относится к X–XI вв., является итогом длительного развития устной народной поэзии. По своему идейно-тематическому и художественному богатству, по языковым особенностям этот замечательный эпос известен далеко за пределами азербайджанской литературы. Два списка оригинала «Китаби деде Горгуд» были найдены в Дрездене и в Ватикане, оригинал эпоса несколько раз был издан в Турции.

Рукопись «Китаби деде Горгуд», попавшая в Дрезден в 1815 г., привлекла внимание востоковеда Фридриха фон Дитца. Он переписал рукопись, сдал в Берлинскую библиотеку, а текст издал вместе с переводом одного из сказаний («О Тепе-гёзе») на немецкий язык. В России и за рубежом изучением эпоса занимались виднейшие востоковеды. Много нового внесли в изучение эпоса и азербайджанские ученые Г. Араслы и М. Тахмасиб.

Известный русский ученый В. Бартольд еще в 1894 г. выступил с сообщением о «Китаби деде Горгуд» и опубликовал русский перевод сказания «Об удалом Домруле». В дальнейшем В. Бартольд неоднократно возвращался к великому эпосу, публикуя переводы ряда сказаний. После смерти ученого в его архиве нашли весь текст оригинала с полным переводом на русский язык, подготовленным к печати. В 1950 г. перевод В. В. Бартольда с комментариями редакции был опубликован Институтом литературы и языка им. Низами Академии наук Азербайджанской ССР. В 1962 г. в издании Академии наук СССР вышла «Книга моего деда Горкуда» (перевод академика В. Бартольда), подготовленная В. М. Жирмунским и А. Н. Кононовым.

В Азербайджане «Китаби деде Горгуд» был опубликован в 1939 г. под редакцией Г. Араслы. Впоследствии эпос был переведен на английский, французский, персидский языки и опубликован в Англии, США,

Швейцарии, Иране. В Турции впервые эпос был издан в 1916 г.

В 70-е гг. XX в. к этому памятнику обратился азербайджанский языковед Камал Абдулла. Научные и творческие интересы К. Абдуллы глубоко связаны с этим эпосом. В 1977 г. в Москве он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Синтаксический параллелизм» (на основе языка дастана «Китаби деде Горгуд»). В 1999 г. им был опубликован «Дастан, окутанный тайнами, или тайный Деде Горгуд — 2», а в 2006 г. — монография «Тайный Деде Горгуд», переведенная впоследствии на турецкий язык. В 2004 г. уже маститый ученый и известный писатель Камал Абдулла, верный избранной теме, опубликовал роман «Незавершенная рукопись» («Yarımçıq əlyazma») [1]. В дальнейшем этот роман увидел свет во Франции под названием «Le Manuscrit inachevé» (Paris, L'Harmattan, 2005), под названием «Eksik El Yazması» (İstanbul, Ötüken, 2006) в Турции, под названием «Неполная рукопись» (Москва, Хроникер, 2006) [2] в России, под названием «O Manuscrito Inacabado» (João Pessoa, Ideia, 2009) в Бразилии, под названием «Zagadkowy Rykopis» (Torun, Adam Marszalek, 2009) в Польше.

Романы азербайджанского писателя Камала Абдуллы, давно известного на постсоветском пространстве, можно прочитать не только на русском языке, но и на турецком, персидском, французском, немецком, португальском языках. Они написаны на материале национальной истории, однако их мировая известность доказывает, что они вышли далеко за пределы специфических особенностей материала. Романы писателя, особенно «Незавершенная рукопись», русский перевод которой появился в 2006 г., стали предметом активных обсуждений. В обсуждении «Незавершенной рукописи», прошедшей в редакции журнала «Иностранная литература», участвовали ведущие российские литературные критики и писатели. В дискуссии принимали уча-

стие автор книги «Незавершенная рукопись» Камал Абдулла, критики, литературоведы, издатели, переводчики Лев Аннинский, Александр Ткаченко, издатель «Неполной рукописи» Борис Евсеев, Алла Ахундова, Людмила Лаврова, Инна Ростовцева и заместитель главного редактора журнала А. Ливергант. Во время обсуждения писатель, главный редактор издательского дома «Хроникер» Борис Евсеев сказал, что: «Кямал Абдулла прикоснулся к мифу, опираясь на эпос "Китаби Деде Горгуд". Он отказался от стереотипов и привычных ассоциаций. Его герои выступают в реконструированном модернистском ключе, что делает книгу особо интересной и заставляющей задуматься. Это новая авторская версия К. Абдуллы, и поэтому книга включена в контекст мира современной прозы. Нам весьма интересен именно такой подход к мифу, именно такая современная его реконструкция, что делает книгу современной прозой, несмотря на исторические материалы» [3].

Роман сразу же вызвал бурные споры, ибо автор фантастическим образом переплетя в своей «Рукописи» события VIII–X и XVI вв., вопреки исторической правде, «предал смерти» шаха Исмаила и ввел вместо него двойника-поэта. В интервью «Литературной газете» автор объяснял, что «шах Исмаил, как известно, потерпел поражение в битве с турецкой армией в 1516 г., и после этого 10 лет он уже не воевал. Он был одним из выдающихся поэтов восточного азербайджанского Ренессанса. А в моей «Незавершенной рукописи» шах Исмаил погибает в той битве, и дальше вместо него появляется двойник. И поэт — это именно он, второй, а первый был только шахом» [4].

Что же связывает древнейший эпос с романом современного азербайджанского писателя Камала Абдуллы? Действие романа разворачивается в двух плоскостях. Некому исследователю, случайно попадает в руки загадочная, неполная, тут и там

попорченная и негодная для прочтения рукопись. С этого момента мы следим за событиями, описанными в этом таинственном тексте, автором которого является сам Деде Горгуд. И только время от времени автор романа напоминает нам о своем существовании, прерывая повествование Горгуда, чтобы рассказать что-то о себе. Герои романа К. Абдуллы — это герои из эпоса «Деде Горгуд». И хотя их возраст весьма солидный (более восьми столетий!), они выглядят очень живыми и реальными, а их чувства, желания, стремления и слабости так нам близки, будто все они из нашей сегодняшней жизни.

Несмотря на «детективный» характер сюжета с его шпионами, погонями, побегами и следствиями, пытками, четвертованием и сбрасыванием жертв в пропасть на съедение зверям, роман воспринимается исключительно позитивно. И здесь уже заслуга принадлежит автору романа, его мастерству художника и рассказчика. К. Абдулла сумел создать такую атмосферу, когда с каждой прочитанной страницей у читателя возрастает интерес и нетерпение: что же на самом деле произошло в краю Огузов и кто за этим всем стоит. А в какой-то момент, благодаря появлению новой интриги, связанной с шахом Исмаилом Хатаи и его загадочным двойником, любопытство читателя достигает кульминации. Проза Камала Абдуллы приросла к исканиям современной европейской литературы, по-видимому, уставшей от эстетической и этической истощенности и мучительно ищущей, в настоящем ли, в историческом ли прошлом, — что, в сущности, не имеет значения, — какой-либо альтернативы привычной одержимости и разнузданности в ней.

Почему именно «Незавершенная рукопись»? В этом романе явлена читателю блестящая, если можно так выразиться, литературная мистификация. Стиль Камала Абдуллы удостоверяет новое, подобно Фениксу, рождение Автора в современной ли-

тературе. Творчество Камала Абдуллы столь же фантастично, сколь реалистично. Художник-культуролог прослеживает разные метаморфозы, находясь в постоянном творческом процессе, интеллектуально-духовном поиске. Это путь поэтических сравнений, постоянных художественных открытий. По сути, это метафора личности, познающей себя. Объектом же повествования все чаще становится человек, выброшенный в недоступный его пониманию мир. Параллельно совершается переход от привычной реальности к той, которую можно назвать уходом в себя, эскапизмом. По мысли писателя, стиль и дух «старинной глубокой» направлены к познанию и исцелению людей: их ума и сердца, фантазии и воли, способности мыслить и потребности действовать, помогая раскрывать и осмысливать самые глубокие понятия и ценности. Реальное и фантастическое отражаются друг в друге как в зеркалах, или незаметно перетекают друг в друга как ходы в лабиринте — результатом духовных поисков и заблуждений автора и его героев. Таким образом, читатели и герои произведений Камала Абдуллы становятся прочно связанными между собой единой незримой нитью, где, наверное, не существует граней между реальностью и вымыслом.

«Чтение романа рождает удивительные мысли, «поразительные истины», и это придает ему исключительную оригинальность. Например, о том, что каждый смертный может стать «великим шахом», конечно, при условии, что шах сам согласится поменяться ролями. Или о том, что не всегда исполняющий роль злодея и шпиона на самом деле является таковым. И наконец, о том, что любая человеческая мысль может материализоваться, и в устах Деде Горгуда это звучит как серьезное предостережение.» [5]. Можно сказать, что отныне роман «Незавершенная рукопись» просто обречен на соседство с древним эпосом, как, впрочем, и сам эпос «Китаби Деде Горгуд» уже никогда не будет восприниматься как

нечто внеположное творческой интенции современного писателя. Но при всей своей оригинальности роман имеет исключительно универсальный характер. Это произведение, несмотря на свои четкие временные и пространственные привязанности, не имеет ни временных, ни национальных границ. В «Незавершенной рукописи» автор написал, что ощущает себя «перед входом в некую тайну» [1, с. 13].

То же самое можно сказать о читателях его романов, чувствующих их необычность и загадочность. Образом, вырастающим в универсальный символ, в романах выступает мифологема «круга», иносказательная форма некой мировой завершенности. Этот образ косвенно отражается в романе «Незавершенная рукопись»: в своих речах перед Баяндур-ханом, формально напоминающих исповедь, перенесенную на бытовую почву, персонажи прибегают к словесным хитросплетениям, «вливают хвостом», но им не удается увести слово в сторону, слово в своем движении по заколдованному кругу, обогащаясь в семантике, помимо воли героев, обнажает потаенные уголки их душевного мира и возвращается к своему началу. Мифология круга, предание заключают в себе заряд для творческой фантазии, для вынуждения из него новых человеческих и бытийных смыслов, что и показано в романах писателя. Одним из основных понятий, определяющих литературу фэнтези, является понятие «мира», созданного автором в том или ином произведении. Любое фэнтезийное произведение так или иначе описывает мир, отличный от привычной реальности, невозможный с точки зрения материалистических законов; а одна из задач автора при создании такого мира — сделать его максимально правдоподобным, из выдумки превратить в действительность. Таким образом, сегодня «мир фэнтезийного произведения» или «Вторичный Мир» — важнейшая категория литературы фэнтези, которая во многом определяет художественные достоинства, качество и

популярность фэнтезийных произведений. Практически любой Вторичный Мир строится на основе мифа, поскольку именно миф помогает сконструировать внутренне убедительную, логичную и достоверную вселенную. Древний тюркский эпос «Деде Горгуд», лежащий в основе писательского замысла К. Абдуллы, является отличным и весьма своевременным предлогом для дискуссии на столь животрепещущую тему современной литературы, как обращение к эпическому наследию, переосмысление и развитие мифологических архетипов и мотивов. Каждый автор выбирает свой способ построения фэнтезийного мира: переосмысляя традиционные мифы или используя их отдельные элементы, придумывая собственную мифологию, перенося мифических героев в современный мир. Миф является структурополагающей и этико-эстетической основой фэнтези как жанра. В словаре новейших иностранных слов читаем: «Фэнтези — литературный жанр, возникший в результате синтеза фантастики и сказки, мифа, легенды. Мир фэнтези — это пропущенные через современное сознание и ожившие по воле автора древние мифы, легенды, сказания» [6]. «Незавершенная рукопись» — особая книга: многоголосая, совмещающая историю и современность, вызывающая радость за былое и боль за исторические и нравственные утраты. В смысловой основе романа, по всей вероятности, лежит стремление найти общий язык предания с современностью. Писатель обратился к древнему эпосу, чтобы вдохнуть дух «злобы дня» в эпически завершенные области древнего сказания. Но в романе четко ощущается временная дистанция, чувство эстетической меры. Ведь «Незавершенная рукопись» не дерзает на то, чтобы заменить канонический текст! Миф, помимо культурной традиции, давшей роману сюжетные ходы, является основой, без которой существование жанра было бы невозможным. Фантазия — главный принцип. Автор может повернуть

сюжет самым неожиданным образом, поскольку волшебный мир фэнтези предполагает, что в нем возможно все. Этот последний признак — один из наиболее важных, определяющих. Выбор жанра традиционный для фэнтези — роман. Это действительно увлекательное чтение, прежде всего потому, что автор «Незавершенной рукописи» — человек, хорошо знающий народный эпос, и когда читаешь, видишь, что за каждой очередной тайной возникает что-то еще: не познанное, а может, до конца и непознаваемое, не исчерпываемое. Это — эпос, возрожденный ученым, который заботится не только о верности оригиналу. Верность оригиналу в данном случае — вещь зыбкая, потому что оригинал пересказан. Но автор делает это для того, чтобы мы лучше поняли, что с нами происходит сейчас. И это — второй уровень, второй слой, который вскрывается при чтении. Потому что все мотивы, возникающие в книге, работают в сегодняшнем сознании, которое релятивно по своей природе, но и не мирится с этой релятивностью, а ищет все время подлинную реальность. И когда начинаешь соображать, как соотносить то, что с одной стороны — это старинный текст, который реконструирован с известной долей достоверности; а с другой стороны, это нынешняя реальность, которая про себя знает, что она реальность, но в то же время и не вполне реальность? И вот соотношение этих двух факторов образует третий уровень, очень глубокий и драматичный, который мы вычитываем в тексте Камала Абдуллы. Автор создал свою «Неполную рукопись», это — его город, его страна, одновременно и мифическая, и реальная. Здесь есть и свободное апеллирование к культурному достоянию, и поразительные аллюзии на сегодняшний день.

В редакции журнала «Иностранная литература» на презентации «Неполной рукописи» автор высказался по поводу мифологизации: «Если бы меня спросили, я бы сказал, что эту книгу можно назвать "фан-

тазией на тему". Темы моей книги начинаются там, где они обрываются в "Китаби Деде Горгут". У нас в Азербайджане мою книгу, случалось, ругали за вольное обращение с эпическим каноном, а бывало, что за это же и хвалили. Но самое важное, что меня и по сей день изредка спрашивают: а действительно вы нашли рукопись? Вот это для меня самое большое мое писательское достижение. А такие фантазии только углубляют понимание канона, возвращают к нему» [4].

Неоднозначные отношения между романом и эпосом представляют собой один из важных аспектов развития современной западной литературы. «Незавершенная рукопись» Камала Абдуллы, (и его английская версия в переводе Энн Томпсон), по мнению Макса Статкевича (профессора кафедры сравнительного литературоведения университета Висконсин-Мэдисон в США), представляет наиболее радикальную оппозицию этой традиции, в более широком смысле — традиции разграничения жанров, времен и культур [7].

В начале романа повествователь вводит имя героя эпических заметок и предполагаемого автора — барда-прорицателя-святого человека, который является ключевой фигурой в эпосе и в «Незавершенной рукописи», имя которому Отец, или Дед Горгуд. Можно сказать, что роман Камала Абдуллы фактически рождает и даже вводит элемент проблематики в это противоборство между древней эпической мифической традицией и ее современной «деконструкцией». Было бы заманчиво противостоять целостности «Книги Деда Горгуда», записанного текста эпоса, образа замкнутого мифического мира древнего огузского общества, древней и современной рукописей (писательского романа). Идеальная непрерывность и целостность книги, таким образом, могли быть подвержены риску, то есть «прерываться» существенными «оригинальными» лакунами рукописей («архиписьмо» [archi-écriture] как «архислед»

[archi-trace]), а феномен «прерывания мифа» является одним из возможных определений литературы.

Роман Камала Абдуллы опровергает это определение, когда в романе выставляется текст, который одновременно является более оригинальным и более авторским, неразрешаемым, замкнутым, незавершенным, в смысле «прерванный», чем эпос, представлен как «заметки» и «наблюдения», «подготовительная работа для эпоса, который должен быть записан» [1, с. 7]. Взаимоотношения между мифом и литературой так же, как и вопрос «первоисточника», чрезвычайно сложны, и было бы трудно вообразить какой-либо текст, который лучше «Незавершенной рукописи» выразил бы эту сложность. Первоначальное составление эпоса всегда сопровождается вторжением и незавершенностью «предварительных» заметок и наблюдений. В романе Камала Абдуллы Деде Горгуд является не только секретарем Байандур Хана, он также хранитель секретов — секретарь в строгом смысле этого слова [1, с. 8].

Каждый в огузском обществе знает, что секрет, доверенный Деде, будет бережно храниться. Но, разглашение секрета происходит каждый раз, когда определенная неполнота рукописи проявляет себя.

Завеса таинственности фактически является ключевым имиджем для неполной рукописи — как для романа, так и для эпических заметок, — завеса в качестве образа игры между утаиванием и раскрытием секрета, то есть образ своей правды, или же правды всплывающего художественного образа.

К концу своих приключений читатель рукописи осознает тот парадоксальный факт, что герои эпоса не существуют в нашем мире и что каждый из них разговаривает с другим в их собственном мире; Байандур Хан имеет своего Горгуда в своем мире, в то время как у Горгуда свой Байандур Хан уже в его мире. Они не находятся в одном и том же месте друг для

друга — в романе ясно очерчены элементы жанра фэнтези.

Еще раз отметим, что гениальная находка Камала Абдуллы состоит в постановке вопроса неполноты любого письма, заложенной у самых истоков эпических стремлений, направленных на поиски корней для установления культуры.

Деде Горгуд воображается в «Незавершенной рукописи» как автор и эпоса, и набросков, и именно в последних кроется правда: «Вот так на самом деле это было!» — гласит неполная рукопись. Камал Абдулла переносит «знать и сыновей знати, ханов и сыновей ханов» из эпического мира мифов в мир романа. Прошлое теряет свою безусловность, но приобретает современную релевантность, «Древнее огузское общество начинает выглядеть в своем реальном, духовном контексте».

Таким образом, возрождение традиционных «застывших» эпических героев должно способствовать расконсервации читателя, который вновь обнаруживает свое духовное родство с ними: он становится участником, писателем, «секретарем» и, в итоге, наследником Деда Горгуда.

На наш взгляд, «Незавершенная рукопись» будет влиять не только на горгудоведение, но и на прочтение и исследование новейшей литературы, к которой относится и жанр «фэнтези», в ее взаимоотношениях

как с древней (эпической, мифической) традицией, так и с другими традициями. Никто не сможет говорить наверняка, произошло ли то, что описано здесь действительно, или является просто продуктом воображения. Допустимость последнего — фантазии автора, воображения искусства и литературы — и есть противоборство романа с эпической, исторической и мифологической традицией, и которое составляет сущность романа «Незавершенная рукопись». Оно завершится доминированием рецепции этой традиции в финале романа.

«Самое ценное в этом художественном эксперименте, — по словам Л. Аннинского, написавшего предисловие к русскому изданию, — непрерывное мерцание параллельных миров. В мире шаха — свой Горгуд, а в мире Горгуда — совсем другой шах, хотя они сидят и беседуют, один прищурясь мимо собеседника, а другой — склонившись над свитком и высматривая, не сучит ли тот пальцами ног. Какая, собственно разница, подлинна ли рукопись деда Горкуда или поддельна? Все равно мираж. Может, пропуски в тексте случайны, а может это намеренная путаница, чтобы спрятать концы. Пропуски могут иметь мистический смысл, который необязательно соотносить с исторической истиной. Ибо ее нет» [1, с. 9].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Abdulla Kamal*. Yarımcıq əlyazma. Bakı, «XXI»-YNE, 2004, 288 səh.
2. *Абдулла Камал*. Неполная рукопись: Роман. М.: Издательский дом «Хроникер», 2006. 256 с. Серия «Мир современной прозы».
3. Презентация книги Камала Абдуллы «Неполная рукопись» в Москве. <http://azertag.az/ru/print/647323>
4. «Китаби Деде Горгут» — фантазия на тему // Иностранная литература. 2007. № 4.
5. *Теер Елена*. Польский перевод романа Камала Абдуллы «Неполная рукопись» // Литературный Азербайджан. <http://www.azyb.net/cgi-bin/jurn/main.cgi?id=1700>
6. *Шагалова Е. Н.* Словарь новейших иностранных слов (конец XX — начало XXI века). М.: АСТ. Астрель, 2010. С. 836.
7. Газета «Зеркало» 12.10.2012. <http://www.zerkalo.az/2012/ot-nepolnoy-rukopisi-kamala-abdullyi-k-nepolnoy-rukopisi-pismo-protiv-eposa/>

REFERENCES

1. *Abdulla Kamal*. Yarımçıq əlyazma. Bakı, «XXI»-YNE, 2004, 288 səh.
2. *Abdulla Kamal*. Nepochnaya rukopis'. Roman. M.: Izdatel'skij dom «Hroniker», 2006. 256 s. Seriya «Mir sovremennoj prozy».
3. Prezentaciya knigi Kyamala Abdully «Nepochnaya rukopis'» v Moskve. <http://azertag.az/ru/print/647323>
4. Kitabi Dede Gorgut» — fantaziya na temu // Inostrannaya literatura. 2007. № 4.
5. *Elena Teer*. Pol'skij perevod romana Kamala Abdully «Nepochnaya rukopis'» // Literaturnyj Azerbajdzhan. <http://www.azyb.net/cgi-bin/jurn/main.cgi?id=1700>
6. *Shagalova E. N.* Slovar' novejših inostrannyh slov. (konec HKH-nachalo HKHI veka). M.: AST. Astrel', 2010. S. 836.
7. gazeta «Zerkalo» 12.10.2012. <http://www.zerkalo.az/2012/ot-nepochnoy-rukopisi-kamala-abdullyi-k-nepochnoy-rukopisi-pismo-protiv-eposa/>

УДК 800.7(575.2) (04)

Мира Сыдыкбаева

РАЗБОР ПОУЧИТЕЛЬНЫХ ВЫРАЖЕНИЙ КАК СРЕДСТВО ЗАКРЕПЛЕНИЯ КОМПЕТЕНТНОСТИ

Пословицы и поговорки — одна из областей устного народного поэтического творчества, они взяты из жизненного опыта, мудрости народа, состоят из ритмически организованного одного или нескольких предложений, заключающих в себе какую-либо мысль. Обладая философским смыслом, они используются в воспитательных целях. Они составляют отдельную часть богатейшей кыргызской лексики и служат одними из основных языковых средств, поэтому представляется важным дать сведения об их исторической основе студентам-юристам, которые могут пользоваться ими в своей практической деятельности.

Ключевые слова: этнопедагогика как самостоятельная наука, устное народное поэтическое творчество, пословицы и поговорки, философский смысл пословиц, прямое и переносное значение, пословицы в юридической практике.

Mira Sydykbaeva

CASE INSTRUCTIVE EXPRESSION AS A MEANS FOR SECURING THE COMPETENCE

Proverbs and sayings — one of the areas the oral folk of poetic creativity, it is taken from the life experiences and wisdom of the people, are composed of rhythmically organized by one or several proposals embodying some thought. With a philosophical sense, they are used for educational purposes. It constitute separate part of the richest of the Kyrgyz language and is one of the basic language means, so it is important to give information about their historical basis of law students who can use them in their practice.

Keywords: ethnopedagogy as an independent science, oral folk poetic creation, proverbs and sayings, the direct and figurative meaning, the proverb in juridical practice.

Этнопедагогика — это опыт народа в семье, роде, племени и народной педагогике. К этнопедагогической науке обращались многие ученые. В советское время педагогические воззрения, наука о быте,

семье, роде, племени и народной педагогике. К этнопедагогической науке обращались многие ученые. В советское время